

КОЛЛЕКЦИОНЕР ЧУЖИХ СНОВ

Михаил Ночев

или
Михаил Ночесвет

Михаил Ночесвет

Коллекционер чужих снов

<https://litres.ru/74669514>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если ваш самый личный сон уже кому-то принадлежит — и однажды вернётся в чужой записи?

Вера переступает порог мастерской, где остановились часы, и оказывается у входа в подпольный рынок сновидений. Здесь ночные голоса превращаются в лоты, а один сон пугающе напоминает её собственный. Поиски приводят Веру в тайный архив, где совпадение легко принять за улику, а память — за шанс вернуть утраченное.

«Коллекционер чужих снов» — психологический триллер о цене секретов, боли утраты и праве распоряжаться собственной историей. Это история о том, как отличать факты от надежд, не превращать неизвестное в обвинение и отвечать за выбор, даже если намерения были благими. Для тех, кто любит атмосферные тайны и сюжеты с послевкусием: можно ли освободиться от прошлого, не отнимая у других права выбирать?

Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image -
Лицензия

Содержание

Каталог ночных голосов	5
Лот, которого не было	21
Подполье под городом	33
Сон с моим лицом	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Михаил Ночесвет

Коллекционер чужих снов

Коллекционер чужих снов

Михаил Ночесвет

Каталог ночных голосов

Вера остановилась на пороге и дала глазам привыкнуть к темноте.

В мастерской пахло пылью, машинным маслом и холодным металлом. Запах был густой, старый, как будто его не проветривали годами, а только время от времени перемешивали движением дверей и рукавов. На подоконнике белела полоска уличного света. За ней стояли часы: большие, маленькие, настольные, настенные, с латунными маятниками и резными деревянными корпусами. Ни одни не тикали.

В тишине слышалось дыхание Веры. И чужое — неглубокое, терпеливое, из глубины мастерской.

— Закрыто, — сказал старик.

Он сидел за верстаком, наклонившись над разобранным механизмом. На носу у него держались очки с круглыми стёклами. Руки были чистыми, хотя пальцы блестели от масла.

— Я знаю. Простите. Мне нужно поговорить с Львом Семёновичем.

— Уже поговорили.

Старик поднял голову. Сходство с человеком на фотографии, которую Вера несколько раз рассматривала в интернете, оказалось не точным, а неприятно убедительным. Тот же широкий лоб, тот же аккуратно подстриженный седой ус.

Только глаза на снимке улыбались, а эти, в тусклом свете мастерской, казались настороженными и почти бесцветными.

— Вы Вера, — произнёс он. — Проходите. Дверь не запирайте, она заедает.

Он не спросил, зачем она пришла. Это было первое, что Вера отметила про себя, и первое, что ей не понравилось.

Она закрыла дверь, не хлопая. Ручка действительно заедала, а замок щёлкнул слишком легко. Вера сняла перчатки и убрала их в карман. По привычке оглядела помещение, прежде чем подойти к верстаку: окно, вход, два выхода в соседние комнаты, высокий шкаф с выдвижными ящиками. Узкий проход между стеллажом и столом. Ни одного свободного стула.

— Чай? — спросил Лев Семёнович.

— Нет, спасибо.

— Правильно. Здесь он всё равно давно остыл.

На верстаке лежали крошечные винты, пинцет, лупа и раскрытые карманные часы. Лев подвинул их к краю, освобождая место. Делал он это без суеты, с той бережностью, которую Вера привыкла видеть у людей, умеющих ценить хрупкое. Она сама реставрировала старые механизмы и знала: аккуратность часто служит лучшей маской для нетерпения.

— Вы ремонтировали часы моего брата, — сказала она.

— Ремонтировал.

— Антон был у вас в прошлую пятницу.

— Был.

— Он купил у вас карманные часы.

Лев посмотрел на раскрытый механизм, словно вопрос относился к нему.

— Купил.

Вера положила на верстак сложенный вчетверо чек. Бумага размякла на сгибах. На ней проступала синяя печать мастерской и дата: пятница, за три дня до того, как Антон перестал отвечать на звонки.

— Он ушёл с ними?

— Нет.

Она подождала. Лев не добавил ничего.

— Значит, они у вас.

— Значит.

— Где?

Старик медленно снял очки и протёр стекло краем жилета.

— В витрине.

Вера прошла вдоль верстака. В витрине лежали карманные часы разного размера и состояния. Одни блестели так, будто их отполировали вчера, другие были покрыты тёмной патиной. Она не знала, какие выбрал Антон. В чеке значилось только «карманные часы, серебро, 1896». Через стекло она различила круглые корпуса, цепочки и циферблаты с тонкими чёрными стрелками.

— Он не забрал покупку? — спросила она.

— Попросил оставить до утра.

— И не вернулся?

— Не вернулся.

Вера посмотрела на Льва. Тот снова надел очки и взял пинцет. Его молчание звучало не как отказ отвечать, а как тщательно выбранный размер ответа.

— Почему вы не позвонили ему?

— У меня не было его номера.

— Вы выдали чек на его имя?

— Нет.

— Тогда откуда вы знаете, что он не вернулся?

Лев положил пинцет. За его спиной, на стене, висели часы с выцветшим циферблатом. Стрелки показывали без четверти четыре.

— Потому что он оставил часы.

Вера ощутила, как напряглась челюсть. Она разжала её и медленно вдохнула через нос. В работе это помогало: если дать раздражению завладеть руками, можно повредить механизм. В разговоре, подумала она, правило, вероятно, было тем же.

— Я пришла не спорить о формулировках. Антон пропал. Я пытаюсь понять, что случилось перед этим.

Лев посмотрел на неё поверх очков.

— «Пропал» — точное слово. «Ушёл» вы пока произносить не хотите.

Вера не ответила. На секунду в мастерской стало слышно,

как за окном шины прошуршали по мокрому асфальту.

— Вы его видели в последний раз в пятницу? — спросила она.

— В пятницу.

— Он был один?

— Да.

— В каком настроении?

— Устал.

— Он что-нибудь говорил?

— Много.

— Например?

Лев снял очки и теперь уже не стал протирать их. Вера заметила, что ноготь на большом пальце у него подстрижен слишком коротко, почти до кожи.

— Что вы хотите услышать?

— Правду.

— Это не ответ.

Она едва не усмехнулась. Он вернул ей её же приём, и сделал это спокойно, без удовольствия.

— Хорошо. Я хочу услышать, что он сказал вам перед тем, как исчезнуть.

— Он не сказал, что исчезнет.

— Но вы что-то знаете.

— Я знаю, что он купил часы.

— Это я уже поняла.

— Тогда вы знаете всё, что можете знать.

Вера отвернулась к витрине. Слова «не могу знать» прозвучали у неё в голове неожиданно отчётливо. Она не верила в исчезновения без причин. Антон мог уехать, скрыться, попасть в неприятности, запутаться в деньгах или в чужих делах. Каждая версия была неприятной, но хотя бы объяснимой. Случайность оставалась последним удобным объяснением: он не отвечал, потому что потерял телефон; не пришёл домой, потому что задержался; не предупредил, потому что не успел. Пока она держалась за эти варианты, пропажа оставалась временной.

— Покажите часы, — сказала Вера.

Лев поднялся. Он был ниже, чем казался сидя, и двигался чуть медленнее, чем обещала его точность. Выбрал из витрины серебряные часы с вмятиной у заводной головки и протянул ей.

Вера взяла их обеими руками. Корпус был холодный и тяжёлый. Циферблат чистый, с римскими цифрами и тонкой трещиной в стекле. Стрелки остановились на одиннадцати семнадцати.

Она перевернула часы. На задней крышке виднелись потемневшие буквы: «А. К.». Инициалов было достаточно. Антон называл её только одной: «Вера». Он редко дарил вещи, зато умел оставлять их там, где их непременно найдут.

— Они исправны? — спросила она.

— Были.

— Вы не заводили их?

— Нет.

— Почему?

— Он попросил не заводить.

— Зачем?

— Не объяснил.

Вера поднесла корпус к уху. Тишина. Ни хода баланса, ни слабого трения колёс, ни того мягкого внутреннего шороха, который иногда слышит только мастер, привыкший прислушиваться к металлу. Она положила часы на ладонь и провела пальцем по крышке.

— Он всегда так делал, — сказал Лев.

Вера подняла глаза.

— Что именно?

— Держал часы на ладони, когда хотел выиграть время.

— Вы знаете, как он держал эти часы?

— Он мне показал.

— И когда это было?

— В пятницу.

Это могло быть правдой. И могло быть удобной выдумкой. Вера вернула карманные часы в витрину, но не отпустила крышку сразу. На полированной поверхности обнаружилась свежая царапина — короткая, светлая, пересекавшая старые потёртости у ободка. Не глубокая, но совсем новая. Металл по краям ещё не успел потемнеть.

— Вы их повредили? — спросила она.

Лев подошёл ближе.

— Нет.

— Кто-то открывал корпус?

— Возможно.

— Вы ведь мастер. «Возможно» — это ответ человека, который не хочет говорить «да».

— Иногда это ответ мастера, который не хочет врать.

Вера достала из кармана маленькую лупу, привычный инструмент. Наклонилась над витриной, изучила царапину. Она начиналась у замка крышки и шла к краю — будто кто-то поддел металл острым предметом, не сумев открыть корпус. Углубление было слишком чистым для старой случайности. Она посмотрела на руки Льва. На пальцах не было свежих порезов.

— Кто пытался открыть эти часы?

— Не знаю.

— Вы были здесь один?

— Обычно.

— В пятницу?

— Да.

— Тогда кто?

Лев не ответил. Вера поймала собственное отражение в стекле витрины: бледное лицо, сведённые брови, лупа в руке. За ним, чуть в стороне, отражались неподвижные циферблаты.

Она достала из сумки блокнот.

— Я осматриваю мастерскую.

— Зачем?

— Чтобы ничего не забыть.

— Конечно.

Его согласие было слишком лёгким, и потому насторожило сильнее запрета.

Вера нарисовала прямоугольник помещения и отметила дверь, окно, верстак и шкаф. Потом стала обходить комнату, записывая время на каждом циферблате. Она делала это методично, как при инвентаризации: сначала крупные часы у входа — 8:26. Настенные над шкафом — 2:51. Маленькие дорожные на полке — 10:03. Маятниковые — 6:38. Часы с чёрным циферблатом у окна — 1:12.

Ни одна пара стрелок не совпадала.

Некоторые циферблаты были покрыты пылью, другие выглядели недавно протёртыми. Несколько часов лишились маятников, у двух не было заводных головок. В одном корпусе виднелось пустое место там, где должен был находиться звонок. Вера записывала время и место. На схеме появлялись маленькие кружки, стрелки и цифры. Работа успокаивала: каждую вещь можно было описать отдельно, даже если вместе они складывались в нечто неприятное.

— Вы их все остановили сами? — спросила она.

— Большинство.

— Зачем?

— Так спокойнее.

— Вам?

— Всем.

Она посмотрела на него, ожидая пояснения. Лев вернулся к верстаку и снова взял пинцет.

— Часы, которые идут, напоминают, что время проходит,
— сказала Вера.

— А остановленные?

— Что оно уже прошло.

Он слегка улыбнулся, но улыбка исчезла, прежде чем стала выражением лица.

— Вы всегда так смотрите на вещи?

— Как?

— Ищете, что они должны означать.

— Я реставратор. Мне важно понять, что с вещью случилось.

— Чтобы вернуть её в прежнее состояние?

— Если это возможно.

— А если нет?

Вера записала ещё одно время. Настенные часы над дверью показывали 9:44. Она не ответила. Иногда прежнее состояние было всего лишь красивой гипотезой. Трещину можно склеить, утрату — восполнить, но невидимой она от этого не становилась. На хороший ремонт не требовалось смотреть с расстояния: он выдерживал близкий взгляд.

У шкафа стоял низкий письменный стол. На нём лежали карточки с выцветшими краями, перетянутые резинкой. Вера не стала трогать их, но несколько надписей можно было

разобрать: даты, инициалы, время. В верхней карточке значилось «С. М., 02:14», ниже — «голос сохранён». На следующей: «без имени, 04:03». Это не походило на учёт деталей. И не походило на обычную картотеку клиентов.

— Что это? — спросила она.

Лев не обернулся.

— Заказы.

— На ремонт?

— Не все.

Вера посмотрела на него. Он по-прежнему занимался механизмом, но пинцет в его руке застыл над маленькой шестерёнкой.

— А на что ещё?

— На то, что люди хотят сохранить.

— Вещи?

— Иногда.

В мастерской будто стало холоднее. Вера сняла взгляд с карточек и вернулась к своей схеме. Она не пришла разгадывать чужие загадки. Пока.

— Антон здесь что-нибудь оставлял, кроме часов?

— Нет.

— Запись? Файл? Конверт?

— Нет.

— Вы уверены?

— Вера, — сказал Лев, и она вздрогнула: он произнёс её имя так, будто они были знакомы дольше нескольких минут.

— Вы пришли за тем, что он купил. Вот оно.

— Вы сказали, что знаете, как он хотел выиграть время. Что ещё вы знаете о нём?

Лев наконец поднял голову.

— Он не любил спать в полной темноте.

Вера замерла. Это было правдой. В детстве Антон остав- лял включённым свет в прихожей. В их старой квартире бы- ла дверь с мутным стеклом, и полоска света ложилась на пол между комнатами. Позднее, уже взрослым, он продол- жал спать с приоткрытой дверью. Не из страха, говорил он, а потому что не любил, когда просыпается и не сразу пони- мает, где находится.

Она никому об этом не рассказывала. Во всяком случае, никому, кто мог бы попасть в эту мастерскую.

— Он вам это сказал?

— Не словами.

— Тогда как?

Лев отвернулся к столу. Вера заметила, как он осторожно накрыл ладонью карточки с надписями.

— Вы получаете записи снов? — спросила она.

Он не ответил.

— Голосовые записи? Люди приходят ночью, рассказыва- ют, что видели, а вы храните это на карточках?

— Вы слишком быстро переходите от одного к другому.

— А вы слишком точно знаете то, о чём я никому не го- ворила.

— Может быть, он сам рассказал.

— Нет.

Слово вышло резче, чем она хотела. Лев не отступил и не стал спорить. В его молчании было что-то похожее на сожаление, но Вера не доверяла выражениям лица людей, чьи слова приходилось вытаскивать по одному.

— Он говорил во сне? — спросила она.

— Я не записывал его сон.

— Но кто-то записал?

— Я не сказал этого.

— Вы и не сказали обратного.

Вера закрыла блокнот. На схеме мастерской все часы были отмечены, кроме тех, что оставались в закрытой витрине. Она дописала: карманные, 11:17. Рядом поставила маленький крестик напротив свежей царапины.

— Вы знаете, где мой брат? — спросила она.

Лев снял очки. Без них он выглядел старше, почти прозрачным.

— Нет.

— Знаете, кто его видел в последний раз?

— Нет.

— Знаете, почему он оставил часы?

— Нет.

— Тогда что вы знаете?

— Что он не хотел, чтобы они шли.

— Почему?

— Не знаю.

— Вы всё время говорите «не знаю» так, будто это не вся правда.

Лев посмотрел на схему в её руках.

— А вы всё время говорите «случилось», будто это обязательно должно иметь случайную причину.

Вера хотела возразить, но не нашла фразы, за которую можно было бы ухватиться. Она вспомнила последние сообщения Антона: короткие, обычные. «Купил кое-что странное». «Потом расскажу». «Не волнуйся». Она выбрала последнее и перечитывала его чаще остальных, как будто повторение могло превратить обещание в факт.

— Я не собираюсь уходить, пока не выясню, что вы от меня скрываете, — сказала она.

— Тогда вам придётся вернуться.

— Это угроза?

— Нет. Рабочий прогноз.

Лев встал и взял со стола небольшую коробку. В ней лежали детали разобранного механизма. Он начал убирать их одну за другой, тщательно, почти церемониально. Вера закрыла блокнот и направилась к двери. Возле витрины она остановилась ещё раз, посмотрела на часы с инициалами брата. Стрелки по-прежнему указывали на 11:17.

— Вы будете здесь завтра? — спросила она.

— Если часы позволят.

— Часы давно не идут.

— Вот именно.

Она не поняла, шутит он или нет. Дверь поддалась не сразу. Вера потянула ручку, и заевший замок наконец отпустил. Она вышла в холодный коридор, не попрощавшись.

За спиной тихо щёлкнула защёлка.

Вера спустилась на две ступеньки и остановилась. Из мастерской донёсся звук, короткий и чистый.

Удар.

Не звонок телефона, не щелчок металла, не скрип старой двери. Один удар часов, глубокий и медный. Он прокатился по лестничной клетке, отозвался в стенах и оборвался.

Вера подняла голову. На площадке над ней дверь мастерской оставалась закрытой. За ней не слышалось ни шагов, ни голосов, ни привычного тиканья.

Она вернулась к двери и постучала.

Лев открыл почти сразу.

— Какие часы пробили? — спросила Вера.

— Никакие.

— Я слышала.

— Я тоже.

— Какие?

Он не стал оборачиваться к мастерской.

— Те, у которых нет звонка.

Вера посмотрела на него, пытаясь отделить испуг от удивления, уловку от случайности. Лев не помог ей выбрать. Он даже не предложил войти.

Она вынула блокнот и записала время удара по собственным часам. Потом убрала его в сумку.

— Я вернусь завтра, — сказала она.

— Я понял.

— И вы расскажете, что означает эта картотека.

Лев помолчал.

— Если вы сумеете найти в ней нужный голос.

Дверь закрылась между ними. На этот раз защёлка сработала без усилия.

Вера спустилась по лестнице, не ускоряя шага. Улица встретила её мокрым воздухом и шумом машин. В кармане лежал чек, в блокноте — схема комнаты, десятки остановленных минут и одна свежая царапина. Ни одно из этих наблюдений не объясняло, куда исчез Антон. Но вместе они не позволяли ей больше называть его исчезновение случайностью.

Иногда достаточно перестать отворачиваться от того, что уже лежит перед глазами.

Лот, которого не было

На следующее утро Вера пришла к мастерской за семь минут до обещанного часа. Ночной дождь ещё держался в швах тротуара, а вывеска Льва тускло отражала серое небо. В кармане её пальто лежали часы Антона, завёрнутые в мягкую ткань.

Она забрала их из квартиры брата через неделю после его исчезновения. Тогда ей казалось, что часы остановились от удара или сырости. Стрелки застыли на 03:17. Вера положила их в ящик стола и не доставала почти год. Не потому, что забыла. Просто на некоторые вещи легче не смотреть, если они молчат.

Теперь часы молчали у неё под ладонью, и это уже не казалось случайностью.

Лев открыл дверь прежде, чем она постучала.

— Вы пунктуальны, — сказал он.

— Вы обещали рассказать про картотеку.

— Я обещал, что вы сможете искать.

Он отступил, пропуская её внутрь.

В мастерской пахло машинным маслом, сырой шерстью и чем-то сладковатым, похожим на старую бумагу. Вчера Вера заметила этот запах, но не запомнила его. Сегодня он словно сообщал: здесь годами складывали вещи, которые не должны были задерживаться надолго.

Картотека занимала всю стену. Узкие деревянные ящики были подписаны от руки: даты, буквенные коды, несколько слов без пояснений. На столе Лев оставил коробку с карточками.

— Здесь записаны люди? — спросила Вера.

— Здесь записаны голоса и сны. Люди меняются, голоса остаются узнаваемыми.

Он произнёс это спокойно, будто сообщал устройство давно знакомого механизма.

Вера сняла пальто и достала телефон. На экране был сохранён старый голосовой файл: Антон оставил его за несколько дней до исчезновения. Она не включала запись с тех пор, как полиция перестала задавать вопросы. Теперь палец задержался над кнопкой.

— Если он записывал сон, я узнаю его по голосу, — сказала она.

— Иногда узнают.

— А иногда?

— Иногда узнают то, чего боятся услышать.

Вера всё-таки нажала на экран.

Из динамика донёсся шорох, короткий вздох, потом голос Антона:

— Вер, я задержусь. Не жди меня с ужином.

В конце он чуть хрипнул на последнем слове. Так бывало, когда он устал. Вера знала эту хрипотцу лучше, чем собственный почерк. Запись оборвалась. В мастерской снова

стало слышно, как в настенных часах движется маятник.

Лев смотрел не на неё, а на телефон.

— В каталоге нет имен, — сказал он. — Только номера, дата, длительность записи, условия передачи. Иногда описание голоса. Если человек хочет остаться неизвестным, имя не помогает его найти.

— А звонок?

Лев открыл один из ящиков. Внутри стояли карточки с крошечными металлическими колокольчиками, пришитыми к углам.

— Звонок означает, что у записи есть договор и источник. Нет звонка — никто не может подтвердить, как она попала сюда и давал ли человек согласие.

— То есть рынок умеет продавать сны без разрешения тех, кому они приснились.

Лев не ответил. Он передвинул к ней коробку.

— Начните с даты. Но не торопитесь делать выводы.

Вера взяла верхнюю карточку. На ней значились номер, продолжительность сна и короткая строка: «Падение в воду. Голос мужской, средний регистр». На обороте стоял знак колокольчика. Следующая карточка была без знака, только номер и пометка «источник не подтверждён». Третья описывала сон о доме без окон.

Она работала медленно, отделяя карточки по датам и кодам. Не потому, что верила аккуратности больше, чем человеку. Просто аккуратность позволяла не подменять недоста-

ющие факты желанием поскорее найти ответ.

В ящике за октябрь обнаружилась пропущенная цифра. Карточки шли одна за другой: 718, 719, 721. Между ними оставалось пустое место, шире обычного промежутка. На деревянном дне виднелась светлая прямоугольная полоска, будто карточку оттуда недавно вынули.

Вера посмотрела на Льва.

— Семьсот двадцатая.

— Возможно.

— Вы её убрали?

— Возможно, её не было.

Он сказал это слишком быстро. Вера не стала повторять вопрос. Пока она знала только то, что видела: последовательность прерывалась; пустое место имело следы; Лев не хотел обсуждать пропуск.

— Я пришла искать голос Антона, — сказала она. — Не угадывать, что вы прячете.

— Тогда ищите.

Она провела пальцем по карточкам с датами. Ближе к середине месяца были записи о снах, принятых ночью, затем несколько карточек без звонка. Имен не было. По описаниям голосов нельзя было установить, кому они принадлежали. Она могла бы сесть здесь на весь день и продолжать перебирать чужие кошмары, не приблизившись к брату ни на шаг.

Тогда Вера достала из сумки часы.

— Они были у Антона.

Лев взглянул на корпус, и его лицо изменилось всего на мгновение. Не удивление, скорее узнавание, которое он успел спрятать. Он отвёл глаза к столу.

— Я принёсла их не для того, чтобы вы называли владельца,
— сказала Вера. — Я хочу проверить номер.

— Часы могли переходить из рук в руки.

— Именно поэтому я проверяю.

Она развернула ткань и положила часы на чистый лист бумаги. Серебро потемнело в углублениях, по краю крышки тянулись неглубокие царапины. Вера не стала счищать налёт. Сначала сделала несколько снимков корпуса с разных сторон, положив рядом линейку. Затем попросила у Льва увеличительное стекло.

Он открыл ящик стола и подал ей лупу. Его пальцы едва заметно дрогнули, когда он коснулся её ладони.

Вера заметила. Ничего не сказала.

Под внешней крышкой обнаружилась ещё одна, тоньше и темнее. Лев протянул ей маленький нож для часов. Вера аккуратно поддела край и откинула крышку.

Внутри, под слоем тусклого налёта, была гравировка.

«Нине».

Одно слово и след от глубоко продавленного штриха рядом: небольшой круг, перечёркнутый короткой вертикальной линией. Никакого года, фамилии или объяснения. Только имя, которого Вера не знала.

Она опустила лупу.

— Кто такая Нина?

Лев снял очки. Несколько секунд он протирает их чистой тряпкой, хотя стёкла и так были чистыми.

— Имена часто остаются на вещах дольше владельцев.

— Вы узнали это имя.

— Я узнал гравировку.

— Это не то же самое.

— Нет.

Он потянулся к ящику, будто хотел убрать инструмент, но захлопнул его прежде, чем Вера успела заметить, что именно там лежало. Резкий звук прокатился по комнате. Лев оставил ладонь на деревянной ручке, не поднимая глаз.

Вера сфотографировала надпись при боковом свете, потом сделала ещё один кадр через лупу. В блокноте записала: «Внутренняя крышка. Гравировка: “Нине”. Рядом знак: круг с вертикальной чертой». Ниже поставила время и номер снимка.

— Вы ведёте протокол? — спросил Лев.

— Я стараюсь не записывать догадки как факты.

Он посмотрел на часы.

— Неплохая привычка.

Вера достала из блокнота фотографию. Небольшой снимок на плотной бумаге: мать на железнодорожной платформе, молодой Антон рядом, ветер прижал к его ногам полы куртки. На запястье блестели часы. Тот же корпус, та же форма заводной головки.

— На снимке они уже были у Антона, — сказала она. — Это хотя бы подтверждает, что я не перепутала вещь.

Она перевернула фотографию, чтобы записать дату на обороте. Под материнской подписью «Северный вокзал, 1998» обнаружился знак: маленький круг, перечёркнутый вертикальной чертой.

Вера замерла.

Символ был почти таким же, как на крышке. Не копией случайной царапины, не пятном чернил. Его нарисовали уверенно, привычным движением руки. Рядом мать поставила маленькую букву, похожую на «Н», но чернила расплылись в сгибе бумаги.

— Вы видели это раньше? — спросил Лев.

— Я видела фотографию. Оборот не рассматривала.

Это оказалось неприятнее, чем если бы она нашла неизвестный снимок. Вера помнила этот день по рассказам матери: поезд опоздал, Антон плакал из-за потерянной игрушки, они втроём вернулись домой поздно вечером. Вера сама много раз перебирала альбом, считая, что знает семейную историю. На снимке был человек, которого она узнала бы. На обороте — знак, значение которого не знала.

Она провела пальцем рядом с символом, не касаясь бумаги.

— В нашей семье не было Нины, — сказала она.

— Насколько вы уверены?

Вера подняла глаза.

— Теперь я не уверена, что знаю всё, что было в нашей семье.

Лев выдержал её взгляд, но ответа не дал.

— Вы хотели проверить номер, — напомнил он.

Он достал из нижнего шкафа толстую книгу в чёрной обложке. Страницы были испещрены датами, цифрами и короткими пометками. Это был журнал приёма и ремонта. Вера подвинула к себе лампу, чтобы свет падал прямо на строки.

Сначала она нашла номер, выгравированный на внутренней стороне корпуса. Потом — его в журнале.

Запись стояла на одиннадцатое октября, за три дня до исчезновения Антона.

«Корпус 7Б-19. Регулировка хода. Крышка. Получено лично».

Имени не было. В графе выдачи стоял росчерк Льва. Вера сверила номер ещё раз и сфотографировала страницу.

— Вы ремонтировали эти часы.

— Да.

— Кто их принёс?

— Я не помню.

— В журнале написано «получено лично».

— Так и было.

— Кем?

Лев провёл ладонью по краю стола.

— Клиенты иногда не называют себя.

Вера могла бы сказать, что он лжёт. Могла бы потребовать объяснений, напомнить, что Антон пропал через три дня, что на часах имя неизвестной женщины, что пустое место в картотеке совпало с датами. Всё это звучало бы как одна убедительная история. Но убедительность не превращала догадку в доказательство.

— Запись подтверждает, что часы были здесь одиннадцатого октября, — сказала она. — Она не подтверждает, что приносил их Антон. И не доказывает, что вы знаете Нину.

Лев задержал на ней взгляд.

— Вы правда собираетесь оставить это так?

— Пока это и есть то, что я знаю.

Он кивнул, но в его лице не стало легче.

Вера снова осмотрела корпус. В царапине возле задней крышки застряла тонкая тёмная нить. Она заметила её только под лупой. Нить тянулась к небольшому зазору под внутренней пластиной, где её не должно было быть. Вера наклонила часы к лампе.

— Здесь что-то есть.

Лев сразу протянул руку.

— Не трогайте. Механизм можно повредить.

— Тогда откройте его сами. Я буду снимать каждый шаг.

— Это не ремонтная мастерская для ваших поисков.

— Но часы ремонтировали здесь три дня до исчезновения Антона.

На этот раз Лев не ответил сразу. Потом надел рабочую

лупу и поставил часы на резиновую подкладку. Движения у него стали точными, профессиональными. Он открутил заднюю крышку, снял защитную пластину и остановился.

Под краем механизма действительно лежал тонкий сложенный клочок бумаги. Его удерживала тёмная нить. Вера включила камеру и снимала, пока Лев осторожно вытаскивал находку деревянным пинцетом. Бумага развернулась на столе не сразу: сначала стала похожа на крошечную серую чешуйку, затем на узкую полоску с выцветшими буквами.

Вера не коснулась её руками. Сфотографировала обе стороны, положила рядом линейку и записала время.

На лицевой стороне стояло:

«ЛОТ 0».

Ниже — «А. Голос». Затем дата: «14.X», время: «03:17». Последние две строки читались хуже:

«Без звонка. Спуск П-6».

В мастерской стало так тихо, что Вера услышала, как скрипнуло колесо настенных часов.

— Это лот, которого нет в каталоге, — сказала она.

Лев не стал отрицать.

— Вы знали?

— Я видел такие пометки.

— Значит, знали о сделке.

— Я сказал, что видел пометки.

— Вы снова подменяете ответ.

— А вы снова складываете факты в одну версию.

Вера убрала телефон от бумаги. Он был прав в одном: записка не доказывала, что буква «А» означала Антона. Дата могла относиться к чему угодно. «Спуск П-6» мог быть внутренним кодом, а не указанием на конкретное место. И всё же совпадений было уже слишком много, чтобы назвать каждое из них случайностью.

Она посмотрела на часы. Стрелки всё ещё стояли на 03:17.

— Что такое П-6?

Лев медленно снял рабочую лупу.

— Старый насосный узел. Под северным кварталом есть служебный спуск.

— Он ведёт к вам?

— Он ведёт туда, куда не заносят в основной каталог.

Это было не объяснение, а направление. Но впервые за всё утро Лев произнёс хоть что-то, чего нельзя было принять за уклончивую общую фразу.

Вера попросила папку, чтобы убрать записку. Лев поколебался, затем достал из шкафа прозрачный защитный конверт. Она поместила бумагу внутрь, не касаясь её пальцами. Он позволил ей забрать копии фотографий журнала и гравировки, но сам снимок с пометкой «Лот 0» оставил у себя.

— Вы не сказали, что Нина здесь ни при чём, — произнесла Вера.

— Я не знаю, при чём она.

Это был первый ответ, который прозвучал не как попытка уйти от разговора.

На улице дождь прекратился. Вера задержалась у двери, проверяя записи в блокноте: гравировка «Нине»; знак на семейной фотографии; номер корпуса; ремонт одиннадцатого октября; записка с обозначением нулевого лота. Отдельно она отметила то, чего пока не знала: кто принёс часы, кому принадлежал голос, почему запись не попала в каталог и кем была женщина, чьё имя пряталось под серебряной крышкой.

Она пришла за голосом брата, а получила дату, знак и маршрут под городом. Ни одна из находок не объясняла исчезновение Антона. Вместе они указывали, что искать дальше следует не в картотеке.

На телефоне Вера открыла карту старого насосного узла и поставила метку у северного квартала. Под улицами, которые она знала с детства, лежала другая схема города — служебные проходы, закрытые шахты и лестницы, которых не было ни на одном туристическом плане.

На этот раз она не стала превращать направление в ответ. Но и не позволила себе назвать его случайным.

Подполье под городом

Вера нашла спуск П-6 за ржавой дверью насосной станции.

На карте вход был обозначен тонкой синей чертой, будто кто-то провёл её по бумаге неуверенной рукой. В действительности за дверью оказались бетонные ступени, уходившие вниз круче, чем обещал план. Вера включила фонарь и стала спускаться, считая пролёты. На двадцать седьмой ступени пахнуло мокрым железом. На сороковой исчез шум улицы.

Внизу коридор раздваивался. На стене белой краской вывели стрелку и букву «Р». Вера проверила компас на телефоне, хотя прекрасно знала, что под землёй он врёт. Потом достала блокнот и записала: «П-6. Ответвление Р. Время 21:08». Она не знала, зачем фиксирует даже очевидное. Наверное, чтобы не дать страху превратить дорогу назад в догадку.

За поворотом горел свет.

Под старой насосной станцией оказался рынок. Не шумный и тесный, как базар на площади, а вытянутый вдоль сводчатого тоннеля. На складных столах лежали прозрачные кассеты, запаянные в матовые оболочки. На каждой — дата, продолжительность сна, иногда одно слово: «море», «лестница», «голос». Покупатели говорили вполголоса. Некото-

рые надевали наушники и слушали содержимое через маленькие контактные пластины, прижатые к вискам.

Кассеты не потрескивали и не светились. Они выглядели почти скучно. Это делало происходящее хуже: подпольный рынок снов не прятался за мистическими декорациями. Он торговал аккуратно, по описи.

— Вы ищете чей-то сон? — спросил мужчина за столом, где на табличке значилось «Восстановление повреждённых фрагментов».

— Ищу Нину Орлову.

Мужчина перестал перебирать прозрачные футляры.

— Архивистку?

— Вы её знаете?

— Я знаю, что она пропала. Это не одно и то же.

Он говорил без сочувствия, но и без любопытства. Так говорят люди, которые слишком часто видели, как чужая беда становится товарной категорией.

— Где она работала?

Мужчина посмотрел на лестницу за её спиной.

— В городском архиве. Нижний корпус. Через проход с жёлтой трубой. Там ещё дежурный вход. — Он помедлил. — Если вы хотите купить её сон, его здесь нет.

— Я не хочу покупать сон.

— Тогда вы пока не знаете, что ищете.

Она не ответила. Вера записала: «Мужчина утверждает: Нина Орлова пропала; работала в нижнем корпусе город-

ского архива». Не «мужчина знает». Не «Нина была здесь». Только то, что он сказал.

Проход с жёлтой трубой вывел к двери с табличкой «Муниципальный архив. Служебный вход». Рядом стоял полицейский. Он проверил её документы, позвонил кому-то по внутреннему телефону и велел ждать. Через несколько минут дверь открыла женщина в тёмной куртке.

— Вера Левина? Следователь Маркова. Вы сообщили, что у вас есть сведения, связанные с Орловой.

— У меня есть имя, часы и обозначение нулевого лота.

— Это не совсем сведения. Но пройти можете. Ничего не трогать.

Внизу архив пах пылью, мокрой известью и нагретыми проводами. Здесь хранили не старые книги, а то, что нельзя было оставить на поверхности: коробки с плёнками, магнитные ленты, жёсткие диски, носители с записями сновидений. Камеры наблюдения были закреплены под потолком. Некоторые смотрели на коридор, другие — на двери хранилищ.

У комнаты номер шесть дверь стояла открытой.

Вера остановилась на пороге.

Стул отодвинут от стола. На сиденье лежала папка с разошедшимся корешком. Настольная лампа была выключена, хотя в комнате горел верхний свет. На стене висели часы. Их стрелки показывали одиннадцать восемнадцать.

— Здесь исчезла Нина? — спросила Вера.

— Здесь её видели в последний раз, — ответила Маркова.

— Это не одно и то же.

Вера посмотрела на неё. Следователь произнесла это не холодно. Просто не позволила словам перескочить через то, чего никто не доказал.

— Камера показывает, как она входит?

— Входит. Не выходит.

Маркова провела её в соседнее помещение. На экране была остановлена запись с коридорной камеры. Дата — одиннадцатое октября. В углу кадра стояло время: 11:17. Женщина в сером пальто появилась у двери комнаты шесть и скрылась за ней. Лицо камера не поймала: Нина шла, слегка наклонив голову, и волосы закрывали щёку.

— Есть другая камера? — спросила Вера.

— В архиве — ещё две. На лестничном пролёте и у служебного лифта. Ни одна не показывает, как Орлова выходит из здания. Но есть слепая зона у стеллажей, и запись с одного коридора прерывается на восемьдесят три секунды.

— Ровно в это время?

— Нет. Через двадцать минут. Не надо связывать всё в одну историю только потому, что она страшно выглядит.

Вера услышала в словах Марковой упрёк, хотя упрёка там могло и не быть.

— Я пока ничего не связываю.

— Хорошо. Тогда смотрите.

Маркова включила запись. Нина вошла в кадр в 11:17. Дверь за ней закрылась. Коридор опустел. В течение следу-

ющих сорока минут в кадре прошли два сотрудника, уборщик с тележкой, сам дежурный. Никто не выходил из комнаты шесть. На сорок первой минуте запись сменилась изображением пустого коридора.

— Когда заметили пропажу?

— В 12:06. Сотрудник пришёл за папкой, увидел пустой стол и открытое окно в архивном приложении. Внешних дверей в этой комнате нет. Окно не открывается, оно стеклянное.

Вера снова посмотрела на экран. Невозможность выглядела аккуратно. Даже буднично. Дверь закрыта, коридор пуст, человек вошёл — и дальше камера не предьявляла ничего.

— Окно — это стеклянная перегородка в коридор? — спросила она.

— Да.

— Тогда оно отражает комнату?

— В темноте — отражает.

— А запись отражение фиксирует?

— Иногда. Зависит от угла и освещения.

Вера попросила поговорить с дежурным.

Сергей Демидов сидел за стойкой напротив архивного лифта. Он был худощавый, с красными от недосыпа глазами. На столе перед ним стояла кружка с засохшим чайным ободком. Увидев Веру, он поднялся, но Маркова жестом велела ему остаться.

— Вы видели Нину Орлову в тот день? — спросила Вера.

— Видел.

— Во сколько?

— В одиннадцать восемнадцать.

— Вы уверены?

— Я тогда на часы посмотрел. На настенные.

— Они шли правильно?

Демидов взглянул на циферблат в комнате шесть, видный через открытую дверь.

— Я не сверял. Они всегда спешили.

— В показаниях написано, что вы помните 11:17.

Он поморщился.

— Когда мне показали видео, я сказал, что может быть и 11:17. Человек не секундомер.

— Что вы делали, когда она вошла?

— Сидел здесь. Она поздоровалась. Спросила, не приходил ли кто-то из отдела оцифровки. Я сказал, что нет. Она пошла в шестую комнату.

— Вы слышали, как она выходила?

— Нет.

— Почему?

— Вентиляция гудит. И лифт шумный. Я не могу слышать каждый шаг в коридоре.

Это было разумно. Вера записала его слова, не подставляя рядом объяснений.

— Нина часто уходила через служебный лифт? — спросила Маркова.

— Иногда. Он ведёт к старому корпусу. Но лифт зарегистрировал только два вызова после её прихода, оба с верхних этажей.

— У вас есть личные часы?

Демидов показал на запястье. Электронный браслет показывал 21:34.

— Тогда был другой. Сломался.

— Вы помните, когда увидели её в последний раз?

— Когда она вошла. Я уже сказал.

Он повторил это с усталой резкостью, будто сам заметил, что его фраза не отвечает на вопрос.

В комнате шесть Маркова позволила Вере подойти к столу, но не пересечь жёлтую линию на полу. На столешнице стояла прозрачная коробка с вещдоками. Внутри лежали ключ-карта, карандаш, бумажный ярлык и наручные часы.

Вера узнала их сразу.

Корпус был слегка овальным, на стекле у цифры четыре темнела царапина. Заводная головка держалась на неровной пайке. На задней крышке проступала гравировка: «Нине».

Часы Антона.

Она не сказала этого вслух. Вместо этого перечитала бирку: «Найдено на столе комнаты 6. Механизм остановился. Время по циферблату — 11:18».

— Эти часы принадлежали моему брату, — сказала она. Маркова посмотрела на неё внимательнее.

— Вы уверены?

— У него была такая царапина. И эту головку чинили после падения. Я записала дату ремонта: одиннадцатое октября.

— Откуда вы знаете, что это его часы?

Вера могла бы ответить сразу. Вместо этого отделила уверенность от доказательства.

— Я видела их у него много лет. Это моя память, не подтверждённый документ. Гравировка говорит «Нине», но сама по себе не доказывает, что он передал часы Орловой.

— Хорошее уточнение, — сказала Маркова. — Так и запишем.

Вера открыла блокнот и вывела на свободной странице четыре строки.

Источник

Время

Что именно известно

Камера коридора

11:17

Нина входит в комнату 6

Настенные часы

11:18

Такое время показывали после обнаружения пустой комнаты

Показания дежурного

11:18

Демидов посмотрел на настенные часы

Механизм часов Антона

11:18

Стрелки остановились на этом времени

— Камера и остальные источники расходятся на минуту,

— сказала она.

— Да, — ответила Маркова. — Серверная камера не синхронизировалась с архивными часами. Мы проверили журнал обслуживания. Она могла отставать на сорок-семьдесят секунд. Настенные часы тоже не эталон времени. А механические часы могли остановиться раньше, чем их заметили.

— Но все три источника, кроме камеры, показывают 11:18.

— Или кажутся таковыми. Демидов сверялся с настенными. Он не проверял секундную стрелку. Бирку на часах заполнили после того, как их нашли. Это разные свидетельства, но они не независимы друг от друга.

Вера перечитала таблицу. В ней было меньше ответов, чем хотелось, и больше опор, чем было до неё.

— Значит, официальная версия — сбой камеры?

— Одна из рабочих версий. Не объяснение исчезнове-

ния. Возможны ошибка записи, выход через непокрытый участок, вмешательство в архивный журнал. Пока у нас нет основания выбирать одну. Мы проверяем сервер, пропуска, лифт и старый служебный проход. Он частично закрыт, но не обследован полностью.

— А часы?

— Мы проверим серийный номер и установим владельца. Ваши слова важны, но пока это не доказательство, что Антон был здесь.

Вера почувствовала, как внутри поднимается знакомая волна. Она знала, куда та несёт: от «часы похожи» к «Антон был здесь», от «Антон был здесь» к «он жив», а оттуда — к надежде, за которую можно уцепиться обеими руками. Но между каждым шагом оставалась пустота.

— Я не утверждаю, что он был здесь в тот день, — сказала она. — Я прошу не убирать часы из материалов дела, пока не проверите происхождение.

— Не уберём.

— И сохраните оригинальные записи. Не только экспортированный файл.

Маркова кивнула.

— Уже запросили копирование с контрольной суммой. Но я внесу ваше обращение отдельно.

Вера вернулась к комнате шесть. На столе лежала папка, которую Нина оставила раскрытой. Маркова разрешила изучить только опись, не сами документы. На последнем листе,

среди номеров коробок и дат оцифровки, стояла запись без подписи: «Лот 0. Не вносить в общий каталог».

Ниже было написано одно имя: «Вера».

— Это моё имя? — спросила она.

— Не знаю, — сказала Маркова. — В архиве много Вер.

Снова точный ответ. Он не успокаивал, зато не подменял незнание догадкой.

За перегородкой находился коридор. На его стекле отражались лампы, стол, плечо Марковой и сама Вера. Она наклонилась к папке, чтобы разглядеть край листа. В отражении за её спиной проступил силуэт женщины.

Вера обернулась.

Коридор был пуст. У лифта никого. Дверь комнаты шесть оставалась открытой. Дежурный сидел на своём месте.

Она вернулась к стеклу. Силуэт исчез. Остались лампы и её собственное отражение. На мониторе в соседней комнате коридорная запись показывала тот же участок: пустой проход, неподвижное стекло, отблеск ламп.

— Вы что-то увидели? — спросила Маркова.

— Не уверена.

Вера внесла в блокнот: «В отражении стекла заметила фигуру за спиной. В коридоре никого. На записи фигуры нет». Ни «призрак», ни «помеха». Только последовательность.

Потом перечеркнула слово «фигура» и написала: «силуэт». Это было точнее.

На странице рядом оставались четыре времени, гравиров-

ка на часах и имя в описи. Они не складывались в готовый ответ. Но теперь каждое из них можно было проверить отдельно. Вера закрыла блокнот и посмотрела на пустой коридор, пока отражение не стало просто стеклом.

Сон с моим лицом

Вера уже закрыла блокнот, когда Маркова придвинула к ней распечатку.

— Нулевой лот, — сказала она. — В открытой описи его нет. В бумажной есть.

На листе стояло одно слово, набранное машинкой и обведённое красным карандашом: «ВЕРА». Ни фамилии, ни номера дела. Ниже — дата, а рядом короткая пометка: «Нина. 02:17. Запись сна».

Вера почувствовала, как под воротником рубашки медленно выступает пот.

— Что значит нулевой?

— То, чего официально не существует, — ответила Маркова. — Или то, что ещё не успели внести в каталог.

Она взяла распечатку. Дата совпадала с одной из четырёх временных отметок в её блокноте. Совпадала и надпись «Нина» на бирке, которую Вера заметила в архивной описи. Всё это складывалось в узор, но пока не в объяснение.

— Где сама вещь?

Маркова кивнула на металлический стол в соседней комнате. На нём лежал прозрачный пакет, запечатанный полоской с номером. Внутри — небольшие механические часы на тёмно-зелёном ремешке. Циферблат потускнел, стрелки застыли на двух часах семнадцати минутах.

Вера узнала царапину раньше, чем подошла ближе.

Она пересекала минутную шкалу возле отметки на без пяти минут два. Короткая, с острым концом, словно кто-то коснулся циферблата иглой и передумал.

Вера расстегнула часы, которые носила в кармане пальто, и положила рядом. Часы Ильи были старше, крупнее, с царапанной крышкой и гравировкой: «Вере. Не опаздывай». На их циферблате тянулась почти такая же черта.

Почти.

— Вот, — сказала она. — Один след. Один инструмент. Один человек.

Слова вылетели слишком легко. Вера слышала в них готовый приговор и тут же поймала себя на этом.

Маркова смотрела на неё молча.

— Нет, — поправила Вера. — Одна похожая отметка. Это наблюдение. Всё остальное — версия.

— Уже лучше.

— Не ободряйте меня. Я не на экзамене.

— А жаль. Ты бы хорошо сдала раздел «не обвинять человека на основании двух царапин».

Часы Нины извлекли из пакета в перчатках и положили под лампу. Вера наклонилась над циферблатом. На стекле не было трещин. След проходил по самой шкале, немного задевая мелкие деления. У царапины был светлый блеск, как у свежей линии на старой вещи.

— Лев, — позвала Маркова.

Техник появился из-за двери с увеличительной лампой в руке. На поясе у него висел плоский футляр с инструментами. Он посмотрел на часы, потом на Веру.

— Вы решили, что это я?

— Я решила, что у вас есть инструменты, которыми можно оставить такую отметку.

— Это не одно и то же, — сказал Лев.

— Именно поэтому я спрашиваю, а не обвиняю.

Он поставил лампу над столом и опустил лупу. Под увеличением царапина стала похожа на узкий овраг: один край был ровным, другой уходил мелкой ступенькой.

— Часы открывали, — сказал Лев. — И не один раз.

— Вы открывали?

— Я проверял механизм при поступлении. Но царапина была уже там.

Вера почувствовала, как хочется не поверить. Не потому, что у неё были доказательства, а потому, что Лев слишком удобно стоял рядом с коробкой инструментов.

— А часы Ильи?

— Никогда их не видел.

— Тогда одинаковая отметка могла быть сделана тем же инструментом кем угодно.

— Или похожим, — сказал Лев. — Или вообще не инструментом. На старых часах минутную шкалу царапают при ремонте, когда выравнивают стрелку. Достаточно неловкого движения.

Вера вынула блокнот. На чистой странице провела три колонки: «Наблюдение», «Возможные объяснения», «Проверка».

В первую записала: «На циферблатах двух часов есть похожие царапины».

Во вторую: «Общий инструмент. Обычный ремонт. Случайное совпадение. Намеренная имитация».

— А в третью? — спросила Маркова.

— Посмотреть направление повреждения. Сравнить с инструментами Льва. Найти запись о ремонте, не зависящую от его слов.

— И уровень уверенности?

Вера подняла глаза.

— Низкий.

Она написала это рядом с первым пунктом, хотя странным было оценивать уверенность в собственных глазах. Но именно глаза иногда торопились превращать сходство в доказательство.

Лев достал из футляра тонкую стальную лопатку и отвертку с узким жалом.

— Я не буду касаться часов без разрешения, — сказал он.

— Но могу показать, чем открывал корпус.

— Покажите.

Он разложил инструменты на белой салфетке. Вера придвинула часы Ильи, затем снова взглянула на царапину под лупой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.